E40
1414

Суханов Н.
К кризису социализма

С-910

Ник. Сухановъ.

КЪ КРИЗИСУ СОЦІАЛИЗМА

(По поводу „военныхъ“ выступленій Г. В. ПЛЕХАНОВА)

ПЕТРОГРАДЪ
1916 г.

экз. с.-х. фонда

Суханов, Н. (псевд.)

Ник. Сухановъ.

Е40 1474

КЪ КРИЗИСУ СОЦІАЛИЗМА

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛІОТЕКА И. К. П. 145794 С.Ф. 8581

(По поводу „военныхъ“ выступленій Г. В. ПЛЕХАНОВА)

ПЕТРОГРАДЪ
1916 г.

Петроградъ. Дозволено Военной цензурой 14 декабря 1916 г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
1457918 г.

Типо-лит. Акц. О-ва „Самообразованіе". Петроградъ, Забалканскій пр., 75.

Одной изъ двухъ центральныхъ идей современнаго рабочаго движенія была до послѣдняго времени идея классовой международной солидарности. Популяризировалась она крайне широко; но даже теоретически она была усвоена довольно поверхностно. Несомнѣнно, она была скорѣе лозунгомъ, чѣмъ реальнымъ разработаннымъ положеніемъ. При всей ея популярности слишкомъ слабо было намѣчено ея реальное содержаніе, ея предѣлы, и не были сколько-нибудь обстоятельно разработаны практическіе выводы изъ нея. Въ частности, событія показали, что для большинства ея носителей было неясно ея отношеніе къ нѣкоторымъ сосѣднимъ параллельнымъ идеямъ, выдвигаемымъ современнымъ культурно-общественнымъ развитіемъ. Международная классовая солидарность занимала абсолютное мѣсто въ глазахъ пролетарія, какъ элемента *класса;* но онъ былъ также элементомъ политическаго, профессіональнаго и религіознаго цѣлаго; это крайне не осложняетъ дѣло. Если бы классовая точка зрѣнія *отрицала* всѣ остальныя — дѣло было бы просто. Но и въ теоріи, и на практикѣ — всегда признавалась самостоятельная цѣнность и за иными категоріями. Внутренняго конфликта между ними никогда не было. Въ исторіи же такіе конфликты всегда были возможны. И вотъ на

такой случай требовалось категорическое опредѣленіе мѣста идеи классовой солидарности въ ряду другихъ параллельныхъ идей. Принципъ единаго международнаго класса лишь декларировался въ общей формѣ*; но гораздо важнѣе для его идеологовъ то конкретное положеніе, которое больше подразумѣвалось ими, чѣмъ популяризировалось: *служеніе любому принципу*, какъ вытекало изъ ихъ ученія, *возможно лишь постольку поскольку оно не противорѣчитъ принципу международной классовой солидарности.* Не усвоивъ себѣ этого положенія, сами популяризаторы и теоретики нынѣ заблудились въ трехъ соснахъ.

Идеологи «класса» всегда придавали очень большое значеніе національной идеѣ и, въ частности, національной независимости, какъ условію роста національной культуры. И въ теоріи, и на практикѣ классовая международная солидарность и свобода національнаго развитія одинаково были pia desiderata широкихъ массъ. — Но разразилась война, невиданная по размѣрамъ и первая за тотъ періодъ, когда эти массы стали организованнымъ цѣлымъ. Идея націи-государства тутъ вступила въ очевидный конфликтъ съ идеей международнаго класса. Массы и вожди были поставлены въ такія условія, которыя вынуждали ихъ сдѣлать выборъ, отдать предпочтеніе одной изъ этихъ идей. Наступило время опредѣлить, какой изъ нихъ принадлежитъ *приматъ*, какая изъ нихъ болѣе тѣсно связана съ ихъ психологіей и съ ихъ общественнымъ са-

---

* Вотъ образецъ такой декларації. На одномъ изъ международныхъ конгрессовъ (Штутгардтъ, августъ 1907 г.) Вандервельдъ говорилъ: „мы объединяемъ желтыхъ, черныхъ и бѣлыхъ, нѣмцевъ и французовъ, русскихъ и японцевъ, жителей Африки и Азіи. Нашъ идеалъ охватываетъ весь міръ. Соціализмъ, это — міръ".

мосознаніемъ. — Такъ, можно десятки лѣтъ жить съ двумя друзьями и не ставить себѣ вопроса, какой изъ нихъ дороже; но могутъ наступить условія, когда необходимо сдѣлать выборъ.

Выборъ былъ сдѣланъ — и массами, и вождями. Идея классовой международной солидарности потерпѣла крушеніе. Рабочіе Европы de facto признали приматъ своей націи-государства. Мнѣ уже пришлось цитировать благожелательныхъ публицистовъ, немедленно констатировавшихъ банкротство Интернаціонала, отряды котораго показали себя на дѣлѣ просто національными рабочими партіями. Извнѣ дѣло во всякомъ случаѣ обстояло именно такъ. Народныя массы всѣхъ странъ исполнили свой національно-государственный долгъ, идя съ оружіемъ въ рукахъ на представителей своего класса. Вожди же добровольно стали во главѣ массъ, санкціонировавъ ихъ дѣйствія — во всеоружіи своихъ знаній и авторитета. Идея международной классовой солидарности (во всякомъ случаѣ — извнѣ) ни въ чемъ не проявилась. Даже такое, напримѣръ, явленіе, какъ конференціи вождей, пріобрѣло совершенно удивительный и необычный видъ: онѣ стали организовываться не «международно», а по группамъ странъ, выдѣляемыхъ по признаку взаимоотношеній ихъ правительствъ (лондонская конференція).

Немудрено, что наблюдатели изъ чужихъ лагерей констатируютъ полный отказъ отъ принциповъ «старой науки». И довольно любопытно разсуждаютъ нѣкоторые изъ нихъ, подводя итоги и мечтая о любезныхъ имъ перспективахъ. Вотъ, напр., корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей», г. Бѣлоруссовъ, пишетъ изъ Парижа, изъ самаго центра наблюденій за современной «международной» мыслью. До войны «европейскую общественную жизнь точилъ червь партикуляризма,

группового, профессіональнаго, партійнаго, классоваго... Понятія — Франція, нація, общество были основательно забыты. Расцвѣтшій пышнымъ цвѣтомъ въ буржуазно-индивидуалистическомъ обществѣ классовый принципъ соціалисты возвели въ перлъ созданія, въ исходную точку своей доктрины... И вотъ пришла война. И всѣ заѣденные партикуляризмомъ мѣщане, къ какимъ бы синдикатамъ они ни принадлежали — католическимъ, кабацкимъ, банковымъ, соціалистическимъ или революціоннымъ, — встали на защиту Франціи, націи, отечества, республики, культуры... Перелистываю стопу нумеровъ «Humanité» за время войны и не нахожу ни одной статьи въ защиту классовыхъ интересовъ пролетаріата. Суровая дѣйствительность заставила почувствовать, что кромѣ частныхъ классовыхъ интересовъ существуютъ другіе, высшіе, общіе интересы... и что интересы класса требуютъ защиты *цѣлаго* — въ данномъ случаѣ Франціи. Поэтому (соціалистическая) пресса заговорила языкомъ національныхъ интересовъ, и не было во Франціи революціоннаго синдикалиста или соціалиста, который въ полномъ противорѣчіи съ постановленіями... конгресовъ не схватился бы за ружье въ минуту національной опасности и не дрался бы теперь, защищая «священную французскую землю» *. Кончится война, и жизнь войдетъ понемногу въ свое обычное русло. Снова начнется борьба внутри общественнаго тѣла. Но совершенно невозможно, чтобы она шла подъ знаменемъ исключительно классовой идеологіи, потому что въ дни испытанія въ огнѣ общеевропейской грозы знамя это нигдѣ не устояло, вездѣ было брошено. Никогда уже не подниметъ такъ же высоко голову партику-

* Теперь такихъ во Франціи гораздо больше, чѣмъ желалъ бы г. Бѣлоруссовъ.

ляризмъ, никогда групповая классовая идеологія не станетъ переступать границу, за которой она обращается въ анархическій принципъ. Ибо, какъ олово, она расплавилась въ огнѣ перваго истиннаго испытанія. Такова логика фактовъ» *:

Такія рисуетъ «картинки съ натуры» и такъ толкуетъ ихъ сторонній наблюдатель. Нація — это *цѣлое* и высшее; международный классъ — это второстепенное, партикулярное. Такъ обнаружилось при первомъ истинномъ испытаніи, когда «абстрактная» классовая интернаціональная солидарность во мгновеніе ока смѣнилась фактической солидарностью междуклассовой національной. Если это такъ, то полное крушеніе старыхъ принциповъ очевидно. Приматъ *націи* утвержденъ. Старая классовая позиція брошена на произволъ судьбы.

Однако, согласятся ли съ этимъ сами дѣйствующія лица, сами — Гедъ, Вандервельдъ, Гейне, Плехановъ, о которыхъ fabula narratur? Нѣтъ, они конечно будутъ рѣшительно протестовать. И въ самомъ дѣлѣ, не слишкомъ ли поверхностны сужденія стороннято наблюдателя? Не беретъ ли онъ одну только внѣшность, не желая или не умѣя проникнуть въ дѣйствительный смыслъ описываемыхъ фактовъ? Не переводитъ ли онъ просто на собственный, свойственный ему языкъ тѣ явленія, въ природѣ которыхъ онъ не можетъ разобраться?

Въ литературѣ самихъ заинтересованныхъ группъ сейчасъ довольно обычно именно такое мнѣніе. Война говорятъ намъ, создала конфликтъ между классовой и національной точкой зрѣнія, — но это не въ принципѣ, не вездѣ, а только въ отдѣльныхъ случаяхъ. Международная классовая солидарность не исключаетъ

* См. „Рус. Вѣд. № 240 за 1914 г.

«пріятія» войны, а иногда обязываетъ къ нему. И намъ показываютъ ворохи историческихъ справокъ, — когда Марксъ, Энгельсъ, Либкнехтъ, Лассаль опредѣленно становились на сторону одной изъ воюющихъ сторонъ, придавая огромное значеніе разгрому другой. У нихъ же былъ единственный критерій для сужденія: интересы международнаго движенія. Участіе въ войнѣ и призывы къ отпору внѣшнему врагу могутъ оставлять въ неприкосновенности старыя международно-классовыя позиціи; ибо бываютъ случаи, когда интересы націи-государства и интересы международнаго движенія совпадаютъ. Все зависитъ отъ конкретныхъ обстоятельствъ. — Въ данномъ случаѣ пролетаріатъ нападающей Германіи и его вожди, конечно, оказались банкротами передъ судомъ старой науки. Но Франція, Бельгія, Англія, Россія? Въ этихъ защищающихся странахъ вовсе не ставилась дилемма: своя нація-государство или международный классъ. Народныя массы шли здѣсь одновременно на защиту того и другого. Санкціонируя вооруженную защиту національной независимости и родной страны, ихъ вожди вовсе не утвердили главенства національной идеи. Заключая союзъ съ классовымъ врагомъ, массы не просто подчинились внѣшней необходимости: онѣ поступили такъ, какъ должно, въ полномъ соотвѣтствіи со старой классовой идеологіей. — Такъ говорятъ намъ каждый за свою страну — Вандервельдъ, Самба, Плехановъ.

* * *

Послѣдній, какъ извѣстно, выступилъ съ обоснованіемъ такой позиціи въ петроградской печати («О войнѣ», отд. изд. 1915 г.). При этомъ онъ считаетъ необходимымъ съ первыхъ словъ тщательно отрекомендоваться. «Я — соціалъ-демократъ школы Маркса-

Энгельса. Извѣстно, что соціалъ-демократы этой школы смотрятъ на общественныя явленія не съ точки зрѣнія племени или національности, а съ точки зрѣнія класса. И какъ ни сильно впечатлѣніе, произведенное на меня нынѣшней войной — я не могу покинуть привычную точку зрѣнія». И со своимъ читателемъ Плехановъ «готовъ разсуждать о задачахъ переживаемаго нами историческаго момента лишь при томъ условіи, что читатель будетъ придерживаться той же классовой точки зрѣнія, т. е. точки зрѣнія международнаго пролетаріата». Вотъ съ этой точки зрѣнія и обосновываетъ Плехановъ свою изложенную только что позицію. — Правда, право на международно-классовую точку зрѣнія у него оспариваютъ его германскіе и австрійскіе единомышленники. Это способно заранѣе внушить нѣкоторый скептицизмъ къ подчеркиваемому Плехановымъ исходному пункту его разсужденій: ибо вѣдь одна изъ спорящихъ сторонъ завѣдомо... ошибается. Но мы не будемъ поддаваться апріорному скептицизму и постараемся разсуждать sine ira et studio.

Кто же, въ самомъ дѣлѣ правъ, цитированный корреспондентъ буржуазной газеты или отецъ россійскаго марксизма? Что передъ нами — фактическій разрывъ съ классовой позиціей и переходъ на національно-групповую почву или новые, доселѣ неупотреблявшіеся методы достиженія международныхъ классовыхъ идеаловъ? Гибкость мышленія, воспитанная школой Маркса-Энгельса, или «сильное впечатлѣніе», произведенное войной? — Мы не можемъ здѣсь разсматривать, въ какой мѣрѣ правильна или ложна по существу «военная» позиція Плеханова, воспѣтая и Бѣлоруссовымъ, и «Нов. Временемъ», и многими другими. Мы взглянемъ лишь на то, въ какой мѣрѣ удалось Плеханову связать

свои новые національные выводы со старыми классовыми предпосылками. Убѣдительна ли его аргументація? Или же Бѣлоруссовъ лучше понялъ и истолковалъ его фактическую позицію, чѣмъ онъ самъ. — Вопросъ гораздо важнѣе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Мы имѣемъ дѣло съ выдающимся представителемъ «классовой идеологіи». И *его* уклонъ былъ бы крайне характеренъ для современнаго кризиса.

Упомянутыя статьи Г. В. Плеханова, по мнѣнію А. С. Изгоева, представляютъ собою «самое замѣчательное, что дала русская соціалистическая мысль за время войны». Съ одной только стороной дѣла не согласенъ благожелательный рецензентъ: не вѣритъ онъ увѣреніямъ, что Плехановъ остался Плехановымъ и «ничѣмъ не поступился изъ своего стараго историко-матеріалистическаго багажа».

Правъ или не правъ, но во всякомъ случаѣ небезынтересенъ г. Изгоевъ въ тѣхъ своихъ утвержденіяхъ, что плехановскія «статьи послужатъ гранью какъ въ политической, такъ и въ идейной исторіи русскаго соціализма», что онѣ «принадлежатъ къ тѣмъ рѣдкимъ литературнымъ произведеніямъ, которыя ведутъ къ реальнымъ политическимъ новообразованіямъ». — Все это вполнѣ возможно. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что именно война, отношеніе къ войнѣ служитъ теперь основной и наиболѣе общей линіей водораздѣла между тѣми группами, которыя представляли въ до-военную эпоху россійскій соціализмъ; различное отношеніе къ войнѣ не есть вопросъ партійной тактики: оно зиждется на такихъ общихъ основахъ, которыя суть элементы различныхъ вполнѣ законченныхъ общественныхъ міровоззрѣній. За послѣдніе мѣсяцы система взглядовъ Плеханова, если не углубляется, то во всякомъ случаѣ, кристаллизуется. Теченіе при-

нимаетъ осязательныя формы и уже дѣйствительно переходитъ въ «реальное политическое новообразованіе».

Всю ежедневную прессу обошло извѣстіе и даже подробное описаніе нѣкоего блока, который заключенъ между марксистскими и народническими группами, раздѣляющими «военныя» воззрѣнія Плеханова. Блокъ этотъ имѣетъ свой литературный органъ, «Призывъ», и концентрируетъ вокругъ себя не однихъ теоретиковъ, но и дѣйственныя группы народниковъ и марксистовъ, объединившіяся послѣ недавней швейцарской конференціи, «на почвѣ вооруженной борьбы съ общимъ врагомъ (Германіей), угрожающимъ дѣлу всеобщей свободы». Словомъ, по восторженному заявленію «Рѣчи» происходитъ «небывалое въ исторіи русскаго общественнаго движенія объединеніе». — Конечно, можно сочувствовать и можно рѣшительно протестовать противъ теоретическихъ основъ этого блока; но дѣйствительно, нельзя не считать его явленіемъ въ высокой степени прогрессивнымъ: поскольку онъ, въ качествѣ реальнаго политическаго новообразованія, стираетъ грань между марксизмомъ и народничествомъ, онъ ликвидируетъ вредный пережитокъ, сбрасываетъ съ движенія омертвѣвшую, никому не нужную шелуху и правильно намѣчаетъ организаціонный принципъ, которому принадлежитъ будущее. Было время, когда народничество и марксизмъ противостояли другъ другу, какъ глубоко различныя и несовмѣстимыя міровоззрѣнія. Но — «все течетъ»; и уже не разъ мнѣ приходилось отстаивать мысль объ изжитости, архаичности, фиктивности *этой* линіи водораздѣла въ настоящее время. Группировка нашихъ дѣйственныхъ лѣвыхъ элементовъ по линіи марксизма-народничества уже давнымъ давно держалась лишь на силѣ инерціи, на косности мысли, на отсутствіи широкаго поля практи-

ческой работы, на нашей «самобытной», азіатской, кружковой антиобщественной психологіи. Бороться со всѣмъ этимъ гораздо труднѣе, чѣмъ съ ложными идеями. И только военному взрыву, перевернувшему всю внѣшнюю жизнь Европы и все «нутро» европейца, удалось нынѣ хоть немного преодолѣть нашу оппозицію «естественному ходу вещей». Только вавилонскому столпотворенію оказалось подъ силу выбить людей изъ привычныхъ формальныхъ перегородокъ.

Расколовъ и распыливъ старые кружки и группки, война въ значительной степени освободила умы, развязала руки, создала матеріалъ, болѣе гибкій, болѣе приспособленный для новой дифференціаціи и интеграціи, для новыхъ группировокъ, теоретически болѣе оправдываемыхъ и политически болѣе раціональныхъ. Результаты этого и проявились въ блокѣ.

Однако, считать это «новообразованіе» объективно цѣннымъ, прогрессивнымъ и раціональнымъ еще не значитъ признавать, что съ разработкой идей и теорій, лежащихъ въ его основѣ, все обстоитъ благополучно. Интересно взглянуть, насколько прочно удалось ему обосновать свои позиціи, насколько ладно скроена и крѣпко сшита аргументація новообращенныхъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ небезынтересно было бы иллюстрировать, какъ радикально выбила плехановцевъ война изъ ихъ старыхъ позицій, какъ за тридевять земель она отбросила лидера «новообразованія» отъ основателя русской соціалъ-демократіи. И было бы небезынтересно установить, въ какомъ же отношеніи находятся современныя теоріи «блокистовъ» къ воззрѣніямъ стараго соціалистическаго интернаціонала.

* * *

Раньше, чѣмъ обратиться къ самымъ теоріямъ Г. В. Плеханова не мѣшаетъ познакомиться съ «методологіей» его разсужденій.

Обычныя разсужденія о современной войнѣ страдаютъ однимъ общимъ формальнымъ дефектомъ. При оцѣнкѣ значенія происходящей борьбы и побѣды, примѣнительно къ одной изъ сторонъ обычно приводится длинная цѣпь аргументовъ, долженствующая обосновать опредѣленную точку зрѣнія. Примѣнительно къ *другой сторонѣ,* для обоснованія той же позиціи, приводятся столь же длинная цѣпь *иныхъ* аргументовъ. Если бы первую цѣпь обратить въ другой сторонѣ, а вторую цѣпь — къ первой сторонѣ, то весь вопросъ немедленно потерялъ бы свою простоту, а аргументація — свою . . . примитивность. Но этого не дѣлается. Обычно вовсе не пытаются доказывать, что первые аргументы не дѣйствительны для другой стороны, а просто не употребляютъ этихъ аргументовъ, и все тутъ. Вотъ примѣръ, не изъ яркихъ: пораженіе Россіи имѣло бы послѣдствіемъ идею реванша, вызвало бы несвойственный намъ духъ шовинизма, санкціонировало бы ростъ милитаризма и ставило бы насъ передъ возможностью новой войны. А какъ обстоитъ дѣло съ идеей реванша въ Германіи, и безъ того «насквозь пропитанной» шовинизмомъ и милитаризмомъ? Этотъ пунктъ не парируется; о немъ просто не говорятъ.

Вотъ по такому «принципу» построена вся, съ начала до конца брошюра Г. В. Плеханова. Каждый аргументъ ея, взятый въ отдѣльности, болѣе или менѣе правиленъ. Но каждый изъ нихъ — «подобенъ флюсу». И въ общемъ брошюра представляетъ собою рѣдкій образецъ наивной тенденціозности и логической безпомощности. — Людвигъ Франкъ, германскій соціалъ-демократъ-добровольцъ, убитый на французскомъ

фронтѣ «рѣшительно отвергалъ то мнѣніе, что побѣдоносная война явится несчастьемъ для нѣмецкаго народа. Онъ утверждалъ, что она дастъ, наоборотъ, чрезвычайно сильный толчекъ прогрессивному развитію Германіи ... Рабочій классъ пріобрѣтаетъ большое вліяніе на законодательство и управленіе страной» и т. д. Г. В. Плехановъ справедливо протестуетъ противъ такой позиціи, выбиваетъ изъ нея Франка и... утверждается въ ней самъ.

«... Въ 1870 г. Бебель и Либкнехтъ воздержались при голосованіи военнаго кредита, *хотя считали Францію нападающей страной*». Очевидно, Плехановъ полагаетъ, что отказывая правительству въ средствахъ для защиты страны, его друзья и учителя поступили въ духѣ школы, ихъ воспитавшей. Для читателя принципы этой школы могутъ быть совершенно неубѣдительны, и сейчасъ мы говорить о нихъ не станемъ. Но Плехановъ увѣряетъ, что его устами говорятъ именно Бебель и Либкнехтъ. И вотъ онъ, согласно извѣстной присказкѣ, не зная, какъ ему быть, навелъ у нихъ соотвѣтствующую справку и поступилъ наоборотъ.

«Если на насъ нападутъ, мы будемъ защищаться». Эти слова, говоритъ Плехановъ, «достаточно объясняютъ поведеніе какъ бельгійскаго, такъ и французскаго пролетаріата. Достаточно объясняютъ они, между прочимъ, и вступленіе Геда, Самба и Вандервельда въ министерства». — Вопросъ о военныхъ кредитахъ тутъ, конечно, самъ собой отпалъ; ибо теперь сами Бебель и Либкнехтъ, во Франціи и въ Бельгіи, стали требовать кредитовъ на защиту націи-государства, т. е. въ интересахъ политическаго, національнаго и соціальнаго status quo. — Плехановъ полагаетъ, что и рабочіе, и вожди поступили вполнѣ правильно. Это совсѣмъ не удивительно. Гораздо удивительнѣе, что,

по мнѣнію Плеханова, и Бебель въ 1870 году, и Гедъ въ 1914 году — дѣйствовали въ полномъ соотвѣтствіи съ принципами международной классовой идеологіи. — Мы видимъ, тутъ что-то не въ порядкѣ. — Методологія плехановскаго мышленія рѣшительно испортилась. Посмотримъ, какія созданы имъ теоріи.

* * *

Подобно тому, какъ въ правовѣдѣніи отдѣльнымъ юридическимъ дисциплинамъ и системамъ предпосылается общая теорія права, такъ и въ статьяхъ Плеханова, безпорядочныхъ и многословныхъ, мы можемъ отыскать, помимо разработки конкретныхъ военныхъ позицій, нѣкую общую теорію «войны и мира». Состоитъ она въ слѣдующемъ. «Мы, — пишетъ и подчеркиваетъ Г. В. Плехановъ, — нравственно обязаны защищать свою родину, если она подвергается нападенію, или, другими словами, если она ведетъ необходимую справедливую войну». По словамъ Либкнехта (отца), «если нужно будетъ сражаться для отраженія непріятеля, то мы готовы защищать отечество. Развѣ нашъ собственный интересъ (!) не побудитъ насъ прогнать всякаго, кто вторгнется въ нашу страну, какъ прогнали бы мы грабителя, который ворвался бы въ нашъ домъ». «Только въ оборонительной войнѣ позволительно и даже обязательно дѣятельное участіе сознательныхъ пролетаріевъ» ... Т. е., согласно теоріи Плеханова, рабочій обязанъ всячески поддерживать «необходимую» и «справедливую» войну; необходимость же и справедливость ея опредѣляются тѣмъ, *кто* ее началъ, правительство своей или правительство враждебной страны (народы, какъ извѣстно, нигдѣ юридически не рѣшаютъ вопросовъ войны и мира); если на-

надетъ правительство другой страны, съ цѣлью нарушить status quo и достигнуть методомъ войны какихъ-либо новыхъ нормъ національно-государственныхъ взаимоотношеній, то мы обязаны сражаться для отраженія непріятеля и защищать отечество, т. е. тѣмъ же методомъ охранить status quo ante bellum. Въ противномъ случаѣ, участіе въ войнѣ постыдно и преступно. — Но всего этого мало. Бываютъ, въ частности, случаи, когда участіе рабочаго класса въ войнѣ еще болѣе преступно и постыдно для одной изъ воюющихъ сторонъ и еще болѣе необходимо и обязательно для другой. «Борьба за истину и справедливость», опредѣляемая пассивной ролью при возникновеніи войны, «соединима съ борьбой за экономическій интересъ»; и понятно, что «одно дѣло — экономическій интересъ эксплоататора, а другое дѣло — экономическій интересъ эксплоатируемаго»; «эксплоататоръ угнетаетъ — слѣдовательно, нападаетъ; эксплоатируемый стремится освободить себя отъ угнетенія, — слѣдовательно обороняется». Участіе въ войнѣ вдвойнѣ постыдно и преступно, «если война затѣяна этой страной ради подчиненія и эксплоатаціи страны, менѣе развитой въ экономическомъ отношеніи», для демократіи которой участіе въ войнѣ тогда вдвойнѣ необходимо и обязательно. — Таковы, вкратцѣ, общіе принципы и исходныя точки плехановской «военной» позиціи.

Повторяю, спорить противъ всего этого по существу мы здѣсь не собираемся. Но было бы любопытно нѣсколько комментировать эту теорію, дабы по достоинству оцѣнить полетъ плехановской мысли «съ небесъ на землю», прыжокъ ея изъ царства свободы въ царство необходимости. Въ самомъ дѣлѣ, что общаго имѣетъ изложенная система со старыми утопіями «интернаціонала», съ принципами международно классо-

ваго движенія, служеніе коимъ Плехановъ ставилъ себѣ въ такую заслугу? — Возьмемъ прежде всего идею родины, отечества. Вотъ Марксъ, именемъ котораго Плехановъ и теперь клянется на каждой страницѣ, утверждалъ, напримѣръ, что «рабочіе не имѣютъ отечества, и нельзя лишить ихъ того, чего у нихъ нѣтъ». Ясно, что нельзя вѣдь и защищать то, чего нѣтъ. Если терминъ «отечество» понимать прямо и просто, въ собственномъ смыслѣ — какъ родную страну-государство, то, очевидно, по мнѣнію Маркса, эта категорія не представляетъ собою такой цѣнности, какую надлежитъ защищать силой оружія, забывъ о классовой борьбѣ и международной классовой солидарности. Что нибудь одно — или Марксъ понималъ «отечество» въ какомъ-либо иномъ, особомъ смыслѣ, или Плехановъ оставилъ свои прежнія увлеченія.

Какой смыслъ вкладывалъ Марксъ въ цитированную фразу? Жоресъ въ свое время толковалъ ее не болѣе, какъ «пессимистическую бутаду» и объяснялъ ее тѣмъ, что въ эпоху составленія «коммунистическаго манифеста» свирѣпствовалъ экономическій кризисъ, а рабочіе были лишены элементарныхъ правъ человѣка. Точно также и Бернштейнъ «оправдывалъ» «тезу» Маркса объ отечествѣ тѣмъ, что въ то время «рабочіе вездѣ лишены были права голоса, т. е. всякаго участія въ администраціи». Но вѣдь и Жоресъ и Бернштейнъ — не марксисты, а, наоборотъ, считали себя призванными «обревизовать» ученіе Маркса. И немудрено, что марксистъ-Плехановъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ счелъ себя обязаннымъ рѣшительно протестовать противъ такого толкованія простыхъ и ясныхъ положеній своего учителя. Конечно, говорилъ онъ, рабочіе имѣютъ отечество, если подъ отечествомъ разумѣть просто «народность», къ которой принадлежатъ рабочіе и

которая, по мнѣнію Жореса, «будетъ существовать въ счастливомъ царствѣ коммунизма». Но «въ настоящее время, — писалъ Плехановъ, — въ царствѣ *капитализма* отечества служатъ не только выраженіемъ духовныхъ особенностей различныхъ народовъ, но также — и болѣе всего — выраженіемъ національной исключительности, взаимнаго недовѣрія между народами и угнетенія одного народа другимъ... Манифестъ объявилъ, что *такого* отечества рабочіе не имѣютъ. Это было справедливо въ то время; это остается справедливымъ и теперь, когда пролетаріатъ передовыхъ странъ пользуется извѣстными, болѣе или менѣе широкими правами; это останется справедливымъ и на будущее время, какъ бы ни были велики тѣ политическія завоеванія, которыя еще предстоитъ сдѣлать рабочему классу»... Положеніе Маркса «не только не представляетъ собою «пессимистической бутады», оно не только не нуждается въ «оправданіи», но должно быть положено въ основу всей международной политики пролетаріата». — Такъ истолковалъ ортодоксъ марксистскую идею отечества. Какая же «международная политика» должна быть результатомъ этого толкованія? *Какое* же именно отечество подлежитъ защитѣ въ настоящее время — «духовныя особенности народовъ» или «національная исключительность», свойственная «царству капитализма»? Повидимому, сомнѣній быть не можетъ: нынѣ идея отечества воспринята, со всѣми необходимыми выводами, именно «въ томъ смыслѣ, который придавали этому понятію буржуазные идеологи» и котораго, отъ имени рабочихъ, не хотѣлъ признавать Марксъ. Нынѣ, говоря объ отечествѣ, Плехановъ имѣетъ въ виду не «народность» и не «свободное выраженіе ея духовныхъ особенностей», а именно политическій, экономическій и территоріальный status

государства, независимо отъ того, какія условія жизни оно создаетъ для населяющихъ его народностей. И онъ призываетъ къ защитѣ правъ этого современнаго государства, къ защитѣ status'a отъ всякихъ нарушеній со стороны ему подобныхъ; при военномъ же нападеніи Плехановъ считаетъ необходимымъ дружный вооруженный отпоръ. — Конечно, по существу эту точку зрѣнія должна раздѣлять и привѣтствовать вся наша наличная публицистика; это именно то, что теперь нужно объединенному обществу — отъ права до лѣва. Но вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ ли быть сомнѣнія, что новая точка зрѣнія Плеханова не имѣетъ ничего общаго съ его прежними принципами, которые формулировалъ Марксъ? Теперь Плехановъ называетъ марксистскимъ пониманіемъ идеи отечества то, что нѣкогда проповѣдывали буржуазные идеологи; марксистскіе же принципы онъ клеймитъ «анархо-синдикалистскимъ» «разогрѣтымъ эрвеизмомъ».

Правда, кромѣ защиты отечества, т. е. родного государства и его наличныхъ правъ отъ другого государства, кромѣ этого формальнаго признака, Плехановъ вводитъ и другой, *матеріальный* признакъ справедливой войны, требующей участія сознательнаго пролетаріата: это — защита государства-*эксплоатируемаго* отъ государства-эксплоататора. Однако и самимъ Плехановымъ, и волею судебъ этому признаку предназначена подчиненная и совершенно необязательная роль. Вѣдь, согласно новымъ плехановскимъ принципамъ, изложеннымъ выше, отечество-государство съ его правами всегда останется таковымъ, независимо отъ того, является ли оно объектомъ или субъектомъ эксплоатаціи; и по точному смыслу всего предыдущаго, для его защиты совершенно достаточно нападенія внѣшняго врага, покушенія другого государ-

ства на его права. Да вѣдь не всегда же и сталкиваются въ войнѣ непремѣнно эксплоатируемый и эксплоататоръ. Можетъ быть, даже и Плехановъ допуститъ, что иногда воронъ ворону хочетъ глаза выклевать. Кто, напримѣръ, изъ двухъ главныхъ враговъ въ настоящей войнѣ — Англія или Германія являются эксплоатируемымъ и эксплоататоромъ? Какъ будто величины равныя. А между тѣмъ, будь Плехановъ англичаниномъ, развѣ онъ сочинилъ бы другую теорію, не счелъ бы войну справедливой и обязательной для пролетаріата?... Моментъ эксплоатаціи, конечно, не играетъ рѣшающей роли въ системѣ «военныхъ» принциповъ Плеханова.

Интересенъ самъ по себѣ также вопросъ, что же собственно нужно разумѣть подъ эксплоатаціей одного народа-государства другимъ? Мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, какъ именно мыслитъ Плехановъ въ конкретныхъ чертахъ эксплоатацію Россіи Германіей и что изъ таковыхъ его мыслей вытекаетъ. Сейчасъ же, разсуждая лишь о теоретическихъ принципахъ, интересно отмѣтить слѣдующее. Въ *капиталистическомъ* обществѣ, будь то въ одномъ или въ нѣсколькихъ *капиталистическихъ* государствахъ, старый марксизмъ признавалъ эксплоатацію однихъ *классовъ* другими, но никакъ не эксплоатацію *капиталистическихъ* народовъ народами, какъ нѣкими цѣлыми организмами. Подмѣну классовой борьбы, этой «движущей силы» исторіи, борьбой національной старый марксизмъ всегда считалъ однимъ изъ пріемовъ затемнѣнія «классоваго самосознанія» «буржуазными идеологами». Въ существующей борьбѣ національностей марксизмъ всегда стремился отыскать (и не безъ успѣха) классовую подоплеку и элементы классовой борьбы, или же элементы групповой конкуренціи въ предѣлахъ класса. Такимъ «матеріа-

листическимъ» путемъ онъ стремится объяснить чешско-нѣмецкія, польско-еврейскія, армяно-грузинскія и т. п. отношенія. Полякъ-помѣщикъ давитъ русина-*крестьянина*, армянская *буржуазія* борется съ татарскимъ *пролетаріатомъ*, *еврейская* буржуазія заступаетъ дорогу къ торговлѣ и промышленности разоряющемуся *польскому* дворянству, а армянская — грузинскому и т. д. Вотъ какъ представлялъ себѣ старый марксизмъ «національную» вражду и эксплоатацію однихъ «народовъ» другими. Въ столкновеніи большихъ народовъ-государствъ онъ также усмотрѣлъ бы продуктъ групповой конкуренціи національно-буржуазныхъ группъ и усмотрѣлъ бы въ немъ цѣли классоваго господства и *классовой* эксплоатаціи; и рекомендовалъ бы, конечно, противопоставить захватнымъ классовымъ стремленіямъ извѣстные методы классовой борьбы, столь хорошо имъ разработанные.

Мы видимъ, что отъ этого утопическаго метода мышленія, свойственнаго старому марксизму, совершенно отрѣшился Плехановъ. Основы его современнаго образа мыслей совершенно иныя и прямо противоположныя. Мѣсто класса, какъ исходнаго пункта всѣхъ его разсужденій, нынѣ заняла нація-государство. Это — первичная и основная общественная категорія; какъ цѣлый и нераздѣльный организмъ, *она* самостоятельно живетъ, борется, эксплоатируетъ; ея интересы, не въ примѣръ всѣмъ инымъ, играютъ рѣшающую роль для всѣхъ группъ населенія и требуютъ служенія себѣ въ первую голову. Всѣ иныя человѣческія соединенія и группировки имѣютъ второстепенное значеніе; и въ случаѣ коллизіи интересовъ онѣ не должны принимается въ расчетъ. Такъ, въ случаѣ опасности для націи-государства, классы должны быть сплочены, а классовая международная солидарность должна быть

нарушена *. А не наоборотъ... Плехановъ разсуждаетъ, какъ видимъ, здраво и трезво. Долго, но безуспѣшно ломали надъ нимъ копья «буржуазные идеалоги»: десятки лѣтъ онъ упорно не хотѣлъ заговорить на ихъ языкѣ. Только во время свѣтопреставленія, въ паникѣ и тоскѣ, взмолился онъ старымъ богамъ, съ которыми боролся всю жизнь, но культъ которыхъ, подобно всѣмъ намъ, онъ долженъ былъ всосалъ съ молокомъ матери. Не шутите съ царемъ-атавизмомъ: сорокъ лѣтъ (съ 1876 г.) преодолѣвалъ его Плехановъ и училъ тому же не одно поколѣніе; но все же взялъ свое царь-атавизмъ въ грозу и бурю.

Неоднократно напоминаетъ Г. В. Плехановъ о высокой цѣнности идеи національной независимости и права національнаго самоопредѣленія. Но, какъ я отмѣтилъ выше, вопросъ-то вѣдь не въ этомъ: классовая точка зрѣнія дѣйствительно очень высоко квалифицируетъ категоріи націи и независимости. Вопросъ въ

---

* О томъ, что общество дѣлится на классы и т. д. Плехановъ почти забылъ, имѣя дѣло съ цѣлыми и нераздѣльными націями-государствами. Воспоминанія же его по этому предмету въ такомъ родѣ: „но, — твердятъ мои противники, — защищая свою страну, соціалисты идутъ съ ея господствующими классами. Жалкій аргументъ! Отказавшись защищать свою страну (!), соціалисты ослабятъ ея силу сопротивленія непріятелю, т. е. сослужатъ службу господствующимъ классамъ нападающаго государства" (61). Вотъ какъ крѣпко схватила Плеханова трезвая національная идея: чтобы „сослужить службу" непремѣнно отечественнымъ, а не басурманскимъ „господствующимъ классамъ", конечно, стоитъ нарушить всѣ тѣ принципы, которые всю жизнь проповѣдывалъ Плехановъ, стоитъ отказаться отъ классовой международной солидарности и отъ внутренней классовой борьбы. Вообще, классовая борьба эта есть борьба со всѣми классами другихъ государствъ. Такъ гласитъ наипослѣдовательнѣйшій марксизмъ.

томъ, чему она должна отдать предпочтеніе, какою солидарностью она больше дорожитъ — междуклассовой національной или классовой-международной. Для послѣдовательнаго «классовика» выбора быть, повидимому, не можетъ. Плехановъ же, рѣшительное предпочтеніе отдаетъ *націи-государству*. Старая почва, лелѣянная имъ въ теченіе нѣсколькихъ мирныхъ десятилѣтій, моментально выскочила изъ-подъ его ногъ при первомъ «истинномъ испытаніи». Насколько рѣзокъ у Плеханова разрывъ съ этой старой почвой, видно изъ всего строенія аргументаціи, изъ самаго способа изложенія.

«Практическій марксизмъ, бывшій международнымъ по самому своему существу, считалъ необходимымъ разоблачать дипломатическія интриги и направлять усилія къ тому, чтобы въ международныхъ отношеніяхъ господствовали простые законы нравственности и права». Германская дипломатія нарушила эти законы. Франція подверглась грубому насилію; Бельгія разорена. Призывы къ вооруженному отпору болѣе, чѣмъ естественны. Плехановъ утопическаго періода сталъ бы разсуждать о томъ, что Германія дѣлится на классы; что законы нарушены юнкерствомъ и буржуазіей, по адресу которыхъ и надлежитъ организовать отпоръ. Плехановъ реальной политической мысли разсуждаетъ совершенно въ иной плоскости. Франція, Бельгія, Россія, какъ единые національно-государственные организмы, слившіе свои классы въ общемъ устремленіи, должны дать вооруженный отпоръ единому національно-государственному организму, Германіи, поправшему «простые законы нравственности и права». И Плехановъ не только самъ хватается за оружіе, но и въ полномъ единодушіи съ печатью «всѣхъ направленій» — старается втянуть въ вооруженный конфликтъ тѣ націи-государства, которыя остаются нейтральными. Онъ

протестуетъ противъ «желанія тамошнихъ соціалистовъ остаться нейтральными quand même»... «Когда одинъ человѣкъ на моихъ глазахъ душитъ другого, то я, разумѣется, требую мира; однако, это вовсе не значитъ, что я не имѣю права энергично выступить противъ душителя». Международно-классовый способъ мышленія сталъ Плеханову настолько чуждъ, а національно-государственный такъ хорошо имъ усвоенъ, что націи-государства онъ уже представляетъ себѣ въ видѣ нераздѣльныхъ человѣческихъ организмовъ, въ образѣ людей — душащихъ и душимыхъ... «Если на насъ нападутъ, мы будемъ защищаться». Допустимъ. Но какъ любопытно звучитъ въ устахъ Плеханова это пресловутое: «мы и они». «Мы» — это былъ нѣкогда международный пролетаріатъ, на который нападали «они», международная буржуазія, посредствомъ локаутовъ, политическихъ репрессій, милитаризма и т. п. Теперь «мы» — это междуклассовый національно-государственный союзъ, подлежащій защитѣ отъ ему подобныхъ комплотовъ буржуазіи и пролетаріата. — Все это совсѣмъ не новыя и широко распространенныя истины: ровно ничего по существу, Плехановъ не прибавляетъ ни къ вышеприведенной «характеристикѣ момента» г. Бѣлоруссова, ни ко всему тому, что мы ежедневно читаемъ въ прессѣ военнаго времени. Ново это только для послѣдовательныхъ «марксистовъ» типа Плеханова. И надо во всякомъ случаѣ привѣтствовать ясность и категоричность его новыхъ заявленій.

Сказавшій А долженъ сказать и Б. Прочно утвердившись на національно-государственной позиціи, Плехановъ вполнѣ послѣдовательно переходитъ къ защитѣ обще-національныхъ интересовъ — тѣми методами, которые онъ раньше охарактеризовалъ бы, какъ протекціонизмъ и имперіализмъ. Правда, своими именами

онъ вещей не называетъ; но дѣло отъ этого не мѣняется. Сейчасъ мы увидимъ это. Но остановимся сначала на одномъ важномъ пунктѣ.

* * *

Интересно, означаетъ ли все сказанное, что съ точки зрѣнія стараго марксизма война вообще, въ *принципѣ* непріемлема, будь она наступательная или оборонительная? — Конечно, *иниціатива* войны, стремленіе нарушить чужой status, или охранить въ неприкосновенности свой, съ точки зрѣнія марксизма, никакого значенія имѣть не могутъ. Такія ереси можно проповѣдывать лишь послѣ salto-mortale. Но, вообще говоря, принципіальное «непріятіе» войны «несравненно ближе къ точкѣ зрѣнія Льва Толстого, чѣмъ къ воззрѣніямъ Маркса.» Плехановъ совершенно правъ въ томъ, что участіе въ войнѣ, въ вооруженномъ столкновеніи современныхъ государствъ, совсѣмъ не вступаетъ въ принципіальное противорѣчіе съ духомъ доктрины Маркса. Но какія же условія необходимы для того, чотбы война была «принята» по Марксову закону? Въ этихъ условіяхъ Плехановъ отдавалъ себѣ полный отчетъ, когда былъ марксистомъ.

Какъ я указывалъ, для этого нужно, чтобы интересы данной націи-государства и международнаго класса совпадали между собою; чтобы народъ, защищая страну, защищалъ именно такія условія общественной жизни, какія необходимы для достиженія его классовыхъ идеаловъ. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, старыя утопіи, повидимому, требуютъ, чтобы методы борьбы, ея обстановка и ея цѣли были въ извѣстномъ соотвѣтствіи между собою, т. е., чтобы тотъ неблагопріятный для класса режимъ, который можетъ

быть навязанъ побѣдителемъ, обязывалъ къ немедленной борьбѣ съ нимъ данными крайними мѣрами. Въ однихъ случаяхъ побѣдитель можетъ грозить невыгоднымъ торговымъ договоромъ, въ другихъ лишеніемъ національной независимости цѣлаго народа или его части; тѣ принципы, которые нѣкогда декларировались классовой наукой, повидимому, требовали строгаго выбора противодѣйствующихъ мѣръ (стоитъ вспомнить, сколько споровъ вызывалъ въ средѣ «интернаціоналистовъ» вопросъ объ условіяхъ примѣненія всеобщей стачки).

Какъ же обстоитъ дѣло въ данномъ случаѣ? Подлинно ли старая наука руководитъ дѣйствіями Самба, Вандервельда и Плеханова? — Съ первымъ условіемъ этой науки дѣло обстоитъ довольно плохо. Даже въ болѣе благопріятномъ случаѣ, даже самые благодушные люди, не желающіе вспоминать ни Галифэ, ни Кавеньяка, не взялись бы доказать существенную разницу режима съ точки зрѣнія классовыхъ интересовъ. Со вторымъ же условіемъ дѣло обстоитъ еще хуже. Французскій, англійскій, бельгійскій, русскій пролетаріатъ, по мановенію Вильгельма II, рѣшился на неисчислимыя жертвы для борьбы съ германскимъ милитаризмомъ, стоявшимъ на пути международнаго движенія. Но вѣдь, согласно классовой теоріи, въ такой борьбѣ былъ прежде всего заинтересованъ самъ германскій пролетаріатъ. И вотъ союзный пролетаріатъ рѣшается на *крайнее* средство борьбы съ такимъ свойствомъ *чужого* режима, которое не вызывало никакихъ экстраординарныхъ мѣръ борьбы въ самой заинтересованной странѣ. Поистинѣ, это ужъ нѣчто большее, чѣмъ международная солидарность. — Раньше Плехановъ, несомнѣнно, призналъ бы, что марксизмъ здѣсь не при чемъ.

И сейчасъ онъ вспоминаетъ свое выступленіе на цюрихскомъ международномъ конгрессѣ противъ непріемлющихъ войну quand même. Въ качествѣ докладчика Плехановъ аргументировалъ марксистское «пріятіе» войны примѣрно слѣдующими словами *: «Вообразите, что вспыхнула война между двумя странами, въ одной изъ которыхъ вліяніе соціалистовъ очень сильно, а въ другой — очень слабо. Что выйдетъ, если соціалисты («не пріявъ» войну) сдѣлаютъ стачку? Мощь въ той странѣ, гдѣ соціалисты очень сильны, будетъ уничтожена... Я бы спросилъ «крайнихъ лѣвыхъ» членовъ «Независ. Раб. Партіи» **: всегда ли выгодна для дѣла международнаго соціализма побѣда той страны, въ которой соціалистическія партія очень слаба надъ тою, въ которой она очень сильна? Думаю, что далеко не всегда. А если не всегда, то... не рискуютъ ли соціалисты оказать огромную, незамѣнимую услугу тому самому милитаризму, съ которымъ хотятъ бороться?»... Мысль тутъ выражена довольно плохо; слова бьютъ не въ центръ вопроса, но по существу они совершенно правильно характеризуютъ условія, когда война можетъ быть принята на основаніи классовой теоріи Маркса. Мнѣ кажется, я лучше выражу то же самое положеніе слѣдующими словами: рабочій классъ, въ соотвѣтствіи съ духомъ стараго марксизма, принимаетъ участіе въ столкновеніи государствъ тогда, когда онъ считаетъ цѣлесообразнымъ прибѣгнуть къ крайнему средству для защиты своихъ классовыхъ ин-

---

* Цитирую по брошюрѣ „О войнѣ", стр. 53. См. также „Соціализмъ и патріотизмъ". Спб., стр. 14.

** Англійская „Независ. Раб. Партія" отказывается поддерживать настоящую оборонительную войну по принципіальнымъ соображеніямъ и стоитъ во главѣ антивоенной агитаціи въ Англіи.

тересовъ и классовыхъ завоеваній, угрожаемыхъ со стороны враждебнаго государства въ лицѣ господствующихъ тамъ антидемократическихъ классовъ. Въ данномъ случаѣ не играетъ никакой роли ни инициатива войны съ той или другой стороны, ни защита status'a государства, какъ такового. Въ основѣ «пріятія» здѣсь вообще совсѣмъ не лежитъ ни идея націи-государства и ни отношеніе къ ней «пріемлющихъ». Война здѣсь «пріемлется» во имя классовыхъ интересовъ, которые по Марксу, совпадаютъ съ интересами справедливости, свободы и всего человѣчества. При такихъ условіяхъ участіе въ войнѣ «буржуазныхъ» государствъ есть участіе въ войнѣ лишь по формѣ. По существу же это есть актъ борьбы за старые марксистскіе «идолы и идеалы»...

Понятно, что подобныя разсужденія совершенно абстрактны и рѣзко диссонируютъ со всѣмъ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ. Но вѣдь классовая точка зрѣнія, послѣдовательно проводимая, обязываетъ именно къ такимъ выводамъ. Потому-то и никакъ нельзя притянуть ее къ объясненію дѣйствительныхъ современныхъ позицій пролетарскихъ массъ и ихъ вождей. Классовая идеологія здѣсь поистинѣ потерпѣла крахъ.

* * *

Теперь мы оставимъ общую теорію войны и мира. Обратимся теперь въ нѣсколькихъ словахъ къ конкретнымъ разсужденіямъ Плеханова по поводу настоящей катастрофы.

Согласно предыдущему, для практическаго вывода нашему автору необходимо установить, кто виноватъ въ войнѣ и кто ее началъ. И, конечно, отвѣтъ на

этотъ вопросъ не представляетъ ни малѣйшихъ затрудненій. У насъ никто не сомнѣвается, что война начата центральными державами, которыя и несутъ за нее отвѣтственность. Правда, — пишетъ Плехановъ, — обще-европейской войны все-таки не было бы, если бы Россія не ополчилась на защиту Сербіи. Съ точки зрѣнія общихъ интересовъ европейской цивилизаціи было бы, пожалуй, лучше, если бы Россія оставалась спокойной. Но это чисто утилитарное соображеніе не должно насъ ослѣплять». Чисто утилитарное соображеніе объ интересахъ европейской цивилизаціи здѣсь не состоятельно по той простой причинѣ, что «Россія требовала международнаго третейскаго суда, котораго требуютъ едва ли не всѣ соціалъ-демократическія программы» . . .

Не умѣя комментировать это, отмѣтимъ, что Плехановъ обильно черпаетъ изъ нѣмецкихъ соціалъ-демократическихъ источниковъ признанія того, что отвѣтственность за начало войны надо возложить на нѣмецкія государства. Плехановъ сходится съ Бернштейномъ въ томъ, что Австрія была главной зачинщицей. И здѣсь поистинѣ, когда двое говорятъ одно и то же, это — не одно и то же; политическій, если не историческій, смыслъ этихъ заявленій совершенно различенъ: Бернштейнъ, обвиняя *свое* правительство, ратуетъ тѣмъ самымъ среди нѣмцевъ за прекращеніе войны, — Плехановъ преслѣдуетъ противоположную цѣль. Но это — мимоходомъ.

Установивъ, что центральныя державы являются иниціаторами и виновниками войны, Плехановъ вполнѣ послѣдовательно обрушивается на германскую соціалъ-демократію. Въ рукахъ послѣдней было причинить огромныя затрудненія своему правительству и въ значительной степени подорвать военно-наступательные ресурсы Германіи. Вмѣсто того, соціалъ-демократія

оказала войнѣ такую матеріальную и моральную поддержку, которой, быть можетъ, суждено оказать рѣшающее вліяніе на ходъ и исходъ войны. Критикой позиціи германской соціалъ-демократіи занята главная часть статей Плеханова. Но, въ сущности, эта критика большой цѣны не имѣетъ, такъ какъ ни въ одной странѣ, кромѣ Германіи, насчетъ поведенія германской соціалъ-демократіи не существуетъ двухъ мнѣній. Плехановъ совершенно правильно доказываетъ, что величайшая пролетарская партія мира проявила въ войнѣ крайнюю неустойчивость своихъ принциповъ и преступный оппортунизмъ. Но, къ сожалѣнію, Плехановъ все время представлялъ германскую соціалъ-демократію военной эпохи единымъ цѣлымъ; между тѣмъ, постыдную позицію заняло лишь большинство партіи; меньшинство же ея, достигающее нынѣ 34% всѣхъ ея организацій, заняло совершенно противоположную и очень активную позицію. Этому меньшинству Плехановъ совершенно не удѣляетъ вниманія и не учитываетъ его значенія. Кромѣ того, отмѣчая выступленія Либкнехта и Бернштейна, Плехановъ весьма заблуждается, считая этихъ дѣятелей своими единомышленниками: вѣрные своимъ до-военнымъ принципамъ, они суть единомышленники не Плеханова, а его критиковъ.

Протестуя противъ позиціи большинства германской соціалъ-демократіи, Г. В. Плехановъ въ *области принциповъ* копируетъ ее съ полной точностью. Подобно Гейне и Давиду онъ покинулъ прежнюю утопическую международно-классовую точку зрѣнія и сталъ на трезвую національно-государственную. Но это значитъ, что въ области *практической* международной *политики*, въ міровой катастрофѣ Плехановъ занялъ враждебную имъ позицію: обѣ стороны призываютъ своихъ единомышленниковъ схватиться на полѣ брани.

Согласно своей общей теоріи, Плехановъ сталъ на точку зрѣнія гражданскаго мира въ своемъ государствѣ и рѣшительнаго отпора нападающему внѣшнему врагу.

Но къ этимъ формальнымъ аргументамъ о нападеніи и защитѣ Плехановъ присоединяетъ и соображенія матеріальнаго порядка. Россія — болѣе слабая и экономически болѣе отсталая страна; въ ней Германія видитъ возможный и должный объектъ своей эксплоатаціи: «русскій пролетаріатъ заинтересованъ въ томъ, чтобы русская земля не сдѣлалась предметомъ эксплоатаціи въ рукахъ германскихъ имперіалистовъ»; «нѣмецкая побѣда остановитъ наше экономическое развитіе, положитъ конецъ европеизаціи Россіи и увѣковѣчитъ этотъ современный порядокъ» . . . А затѣмъ Плехановъ рисуетъ тѣ мрачныя перспективы, которыя сулитъ побѣда Германіи для другихъ странъ: «Франція уступаетъ Германіи всѣ свои колоніи», что невозможно допустить, очевидно, съ точки зрѣнія международнаго пролетаріата; «въ теченіе 25 лѣтъ во Франціи прекращается призывъ гражданъ къ отбыванію воинской повинности; Франція разрушаетъ всѣ свои крѣпости, доставляетъ Германіи три милліона ружей, три тысячи пушекъ», и т. д. У Россіи была бы отнята Польша и другія территоріи, на Англію была бы наложена огромная контрибуція. «И наши обскуранты, — заключаетъ Плехановъ, хотятъ, чтобы я оставался равнодушнымъ въ виду такой перспективы? За кого же они меня принимаютъ?! Я еще не опредѣлился на службу къ акуламъ германскаго имперіализма» . . .

Въ отличіе отъ старой международно-классовой — національно-государственная точка зрѣнія проводится съ полной послѣдовательностью. А вотъ и необходимые выводы изъ всей системы Плеханова.

«Необходимо, — пишетъ онъ, — чтобы военныя

неудачи не привели къ обѣдненію того родника, изъ котораго бьетъ живой ключъ народныхъ освободительныхъ стремленій». Что же это за родникъ? На этотъ вопросъ вотъ уже болѣе тридцати лѣтъ съ непоколебимымъ убѣжденіемъ Плехановъ отвѣчаетъ: родникъ — «въ экономическомъ развитіи Россіи, точнѣе говоря, въ ея капиталистическомъ развитіи». И у насъ «есть полное основаніе опасаться, что недостаточно энергичный отпоръ Германіи могъ бы быть вреденъ для дальнѣйшаго экономическаго развитія Россіи. Почему? Да очень просто. За это ручается намъ сущность имперіалистской политики. Она состоитъ въ томъ, что побѣдитель превращаетъ побѣжденный народъ въ предметъ экономической эксплоатаціи. Вслѣдствіе такой эксплоатаціи ускоряется экономическое развитіе народа-побѣдителя и замедляется экономическое развитіе побѣжденнаго народа». «Видите, — восклицаетъ Плехановъ-побѣдитель, — какъ оборачивается дѣло?»

Дѣйствительно оборачивается оно очень круто. Мы, опять-таки, не имѣемъ возможности спорить здѣсь противъ выводовъ Плеханова — оспаривать вредъ пораженія, необходимость отпора и т. д. Насъ интересуетъ только способъ аргументаціи, лишь недавно, подъ «властью событій» изобрѣтенный (точнѣе, заимствованный) во славу злосчастнаго «послѣдовательнаго марксизма», который нынѣ такъ часто заставляютъ выступать въ роли турка.

«Вотъ уже больше тридцати лѣтъ» твердитъ Плехановъ, что Россія есть капиталистическая страна, которая развивается по образу и подобію своихъ западныхъ сосѣдей. Любопытно, какъ же онъ мыслитъ «превращеніе ея въ предметъ экономической эксплоатаціи»? — Отдѣльные классы Германіи, вмѣсто того,

чтобы бороться между собою, установили нѣкую общность интересовъ на почвѣ выжиманія сковъ изъ сосѣдней страны: это «ознаменовалось покровительственными пошлинами на продукты сельскаго хозяйства, введенными въ интересахъ аграріевъ, и такими же пошлинами на продукты обрабатывающей промышленности, установленными для охраны интересовъ промышленной буржуазіи»... Пошлины вообще нужны до поры до времени, — учитъ Плехановъ словами Ф. Листа, — а затѣмъ «полезно и нужно перейти къ свободѣ торговли». Но «современные «капитаны» германской промышленности иначе относятся къ покровительственной системѣ... и слышать не хотятъ объ отмѣнѣ покровительственнаго тарифа. Они пользуются имъ, во-первыхъ, для того, чтобы охранить отъ иностранной конкурренціи *внутренній* рынокъ Германіи, а во-вторыхъ, для того, чтобы подъ его прикрытіемъ завоевать *иностранные* рынки». Но такого «мирнаго завоеванія» имъ мало. И отсюда стремленіе — вооруженной рукой, «*силой* обезпечить себѣ преобладающее экономическое вліяніе въ тѣхъ или иныхъ аграрныхъ странахъ» и, конечно, въ Россіи. Что же значитъ — *силой*, войной, политическими средствами завоевать иностранные рынки и обезпечить себѣ вліяніе? Это значитъ: открыть для своихъ капиталовъ и товаровъ свободный доступъ въ чужую страну, радикально видоизмѣнивъ основы ея торговой политики, уничтоживъ ея таможенную систему, и сохранивъ въ неприкосновенности свою собственную. Къ этому и стремятся господствующіе классы Германіи. Это и будетъ эксплоатаціей русской земли.

Буржуазные классы Германіи, нуждаясь въ поддержкѣ рабочихъ для разгрома Россіи, мыслятъ и пропагандируютъ эксплоатацію побѣжденной страны при-

мѣрно такъ: въ распоряженіе германскаго *капитала* послѣ побѣдоносной войны поступятъ новыя территоріи; барышей хватитъ и на долю *рабочихъ;* благосостояніе массъ настолько возрастетъ, что имъ будетъ не страшенъ подъемъ цѣнъ на предметы питанія, созданный новымъ повышеніемъ пошлинъ на русскіе продукты въ интересахъ *аграріевъ*. Всѣ германскіе интересы сходятся, — надо только добиться возможности продиктовать Россіи любыя условія мира. Такъ, разсуждаютъ въ своей агитаціи германскіе правящіе классы.

Но они, къ сожалѣнію, не прошли школы Маркса-Энгельса. Они, какъ видимъ, говорятъ о гармоніи и единствѣ классовыхъ интересовъ, тогда какъ каждый марксистъ вамъ скажетъ, что основнымъ закономъ исторіи является классовая борьба, а основнымъ свойствомъ капитализма — классовыя противорѣчія. Повышеніемъ заработной платы не устранить борьбы германскихъ рабочихъ за отмѣну хлѣбныхъ пошлинъ и за весь прибавочный продуктъ. Предметомъ эксплоатаціи германской буржуазіи, источникомъ ея барышей всегда останутся они, германскіе рабочіе, создающіе прибавочную цѣнность въ процессѣ производства. Что же касается *капиталистической страны*, какъ предмета эксплоатаціи, то это разумѣется, не больше, какъ чистѣйшая фикція и буржуазный жупелъ.

Но, можетъ быть, Плехановъ перенялъ изъ «Утра Россіи» только одну терминологію. Подъ «превращеніемъ же Россіи въ предметъ экономической эксплоатаціи» онъ разумѣетъ просто созданіе для нея сравнительно невыгодныхъ условій капиталистическаго развитія? — Вотъ это другое дѣло. Германія, несомнѣнно, стремится создать такія условія. Какими путями она можетъ это сдѣлать? Путей собственно два: во-первыхъ,

она можетъ отнять у Россіи ея пока скудные внѣшніе рынки (напр., персидскій); во-вторыхъ, продиктовавъ Россіи торговый договоръ, она можетъ устранить въ той или иной мѣрѣ русскія таможенныя загражденія, — т. е. можетъ открыть себѣ свободный доступъ на русскій внутренній рынокъ, оставивъ болѣе или менѣе закрытымъ свой собственный. Эти два пути, двѣ эти системы экономической политики, носятъ названіе протекціонизма и имперіализма; необходимымъ же условіемъ ихъ примѣненія является милитаризмъ. Этими средствами Германія, въ случаѣ побѣды, можетъ поставить Россію въ сравнительно невыгодныя условія «національнаго» развитія и буржуазной конкурренціи.

И вотъ нашъ «международный» Плехановъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ основнымъ исходнымъ пунктомъ своихъ разсужденій, отстаиваетъ необходимость борьбы — тѣми же средствами. Необходимо *для націи* удержаніе (и, подобно Германіи, добыча новыхъ) внѣшнихъ рынковъ. Необходима для націи возможность распоряжаться своимъ внутреннимъ рынкомъ и ограждать его отъ чужеземной конкурренціи. Необходимо націи за это бороться вооруженной рукой *. — Все это совершенно чуждо классовой политикѣ и старой международной точкѣ зрѣнія. Но все это неразрывно связано съ національнымъ принципомъ. Міровое классовое движеніе, по-старому понимаемое, можетъ потерпѣть отъ этого только одинъ ущербъ. Но если мы оставимъ абстракціи и обратимся къ реальнымъ интересамъ господствующихъ *національныхъ группъ*, то данные ме-

---

* Вѣдь Плехановъ вступаетъ въ борьбу съ Германіей за „сферы вліянія". Но безъ внѣшнихъ рынковъ Германія „не можетъ развиваться". Плехановъ хочетъ засыпать „родникъ ея освободительныхъ стремленій". Какъ быть? Отрицаетъ ли это Плехановъ? Нѣтъ, онъ молчитъ. И т. д.

тоды ихъ защиты необходимо признать не только законными, но и логически необходимыми. И они должны имѣть «вѣчное» значеніе въ предѣлахъ даннаго общественнаго порядка. «Система національной экономіи» обязываетъ къ активной защитѣ отъ иностраннаго вліянія и конкурренціи; далѣе, логика обязываетъ и къ закрѣпленію своихъ внѣшнихъ экономическихъ завоеваній; и все это предполагаетъ возможность и средства защиты. Это — та система методовъ, которую враги національнаго принципа квалифицировали какъ протекціонизмъ, имперіализмъ и милитаризмъ. Это непосредственные логическіе выводы изъ позиціи Плеханова.

Въ другомъ мѣстѣ мнѣ пришлось уже подробно остановиться на выясненіи тѣхъ результатовъ, какіе имѣлъ бы коренной пересмотръ нашей протекціонистской таможенной системы для всего нашего народнаго хозяйства и отдѣльныхъ классовъ населенія. И года полтора тому назадъ въ этомъ пунктѣ между Плехановымъ и его критиками не могло быть никакихъ разногласій. То «открытіе» нашего рынка, которое теперь Плехановъ оцѣниваетъ, какъ эксплоатацію русской земли германской буржуазіей, было всегда его собственнымъ программнымъ пунктомъ и оцѣнивалось имъ, какъ освобожденіе производительныхъ силъ Россіи. На нашу торговую политику и таможенную систему Плехановъ никогда не смотрѣлъ иначе, какъ на оковы національнаго хозяйства, созданные въ интересахъ небольшой группы «капитановъ» отечественной промышленности въ ущербъ интересамъ народныхъ массъ. И нынѣ вслѣдъ за «капитанами совѣта съѣздовъ» онъ требуетъ отъ «сознательныхъ пролетаріевъ» вооруженной защиты экономическаго status quo, а стало быть и нашего протекціонизма. Ибо нѣтъ

иного средства защиты русской земли отъ эксплоатаціи — въ пониманіи этихъ словъ Г. В. Плехановымъ *.

Покинувъ свою утопическую классовую позицію, ставъ на точку зрѣнія современнаго государства, Плехановъ силой вещей былъ принужденъ заговорить языкомъ официальныхъ представителей, господствующихъ классовъ этого государства. Ихъ государство — ихъ интересы. Сказавши А, Плехановъ не могъ не сказать Б; ибо событія имѣютъ свою логику. Марсъ прямой дорогой привелъ къ Меркурію.

Но такъ какъ Плехановъ, несомнѣнно, остался демократомъ, то можно сказать, что передъ нами вполнѣ послѣдовательная и довольно законченная система воззрѣній *національныхъ рабочихъ партій*, — или, можетъ, быть, скорѣе, національныхъ *трудовыхъ* партій. Съ принципами и съ практикой стараго интернаціонала ихъ позиціи рѣзко различны. Но эти позиціи имѣютъ не

---

* „Если Германія побѣдитъ, то она создастъ на счетъ побѣжденныхъ народовъ, исключительно выгодное положеніе для своей промышленности. Такое исключительное положеніе, несомнѣнно, принесетъ извѣстныя выгоды германскому пролетаріату... Знаютъ это и всѣ германскіе соціалисты-имперіалисты. А рабочій классъ болѣе или менѣе смутно догадывается объ этомъ — и храбро дерется за „существованіе Германіи“... „Всемірный пролетаріатъ существенно заинтересованъ въ томъ, чтобы давать отпоръ рабочему классу той или другой отдѣльной страны — въ данномъ случаѣ Германіи, — когда онъ поступаетъ вопреки пролетарской солидарности“. — Надо кстати замѣтить, что для „эксплоатаціи русской земли“ г е р м а н с к а я таможенная стѣна явно значенія не имѣетъ. Продуктовъ индустріи въ Германію мы не вывозимъ и вывозить по внутреннимъ условіямъ еще не можемъ. Поэтому германскія промышленныя пошлины уже никакъ не могутъ служить источникомъ нашей эксплуатаціи. Что же касается германскихъ а г р а р н ы х ъ пошлинъ, то для насъ, при современныхъ огромныхъ цѣнахъ, онѣ играютъ даже положительную роль. См. объ этомъ подробно въ моей брошюрѣ „Лѣвыя группы и война“. П. 1916.

только raison d'être въ современномъ общественномъ движеніи, но имѣютъ и массовый кредитъ въ средѣ элементовъ, примыкающихъ къ международному соціализму. Такого рода теченія, какъ было уже указано, имѣютъ много шансовъ нынѣ вполнѣ оформиться, а можетъ быть, даже самостоятельно организоваться. И вотъ въ этомъ-то направленіи и расчищаетъ дорогу Плехановъ, который на русской почвѣ далеко не одинокъ. И вотъ эти-то элементы воззрѣній, отличающіе національно-групповую идеологію отъ старой международно-классовой, и намѣчаютъ, повидимому, основную линію новаго общаго «водораздѣла», выдвинутаго на очередь войной.

Положеніе, какое заняли въ міровой войнѣ германскіе соціалъ-демократы (большинство), Плехановъ квалифицируетъ, какъ простое «штрейкбрехерство». Толкованіе столь же удобно, сколь... наивно. Штрейкбрехерство означаетъ отсутствіе принциповъ морали и общественности. Плехановъ же, цитируя имперіалистско-націоналистскія заявленія нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ, долженъ былъ бы отмѣтить въ нихъ разработку очень опредѣленныхъ принциповъ: отношеніе къ идеѣ націи-государства, къ основамъ международнаго status'a, къ вопросамъ торговой политики, къ проблемѣ мира и милитаризма — вскрываетъ цѣлую систему воззрѣній, рѣзко отличныхъ отъ старыхъ марксистскихъ теорій. Огромный толчекъ къ разработкѣ ихъ дала война, сдвинувшая съ мѣстъ всѣ устои европейской жизни и общественной мысли. Г. В. Плехановъ принялъ самое дѣятельное участіе въ разработкѣ новыхъ теорій и ушелъ въ этомъ едва ли не дальше всѣхъ. Куда онъ придетъ? Чѣмъ увѣнчается, куда направитъ движеніе эта плодотворная работа?... Съ отвѣтомъ еще надо подождать и, во всякомъ случаѣ, надо быть

осторожнымъ. Возможно, что по ликвидаціи грозы и бури, все такъ или иначе войдетъ въ свои берега. Возможно, что измѣнившіе столпы марксизма, разрабатываютъ сейчасъ свои новыя теоріи не для себя, а для другихъ; тогда мы, быть можетъ, еще встрѣтимся на общемъ полѣ борьбы и труда. Но возможно, что разработка пойдетъ все глубже и уведетъ ихъ все дальше и дальше. И тогда въ интересахъ дѣла придется сказать старымъ друзьямъ: скатертью дорога.

* * *

Война не создала этого развѣтвленія демократической мысли; она только вскрыла и обострила наличныя противорѣчія. Она же произвела генеральную пробу и очистку убѣжденій. Взгляды, столкнувшіеся въ настоящую войну, суть элементы системъ, дѣйствіе которыхъ простирается и на всѣ мирныя времена. Интернаціонально-классовыя и національно-групповыя тенденціи въ рабочемъ движеніи всегда боролись между собою, и по существу здѣсь нѣтъ рѣшительно ничего новаго. Ново лишь то, что событія нынѣ выдвинули данный конфликтъ «во главу угла» и что именно онъ можетъ послужить источникомъ широкихъ «самоопредѣленій» и перегруппировокъ.

Историческій матеріалъ, таящій въ себѣ зародыши и проявленія этого конфликта, могъ бы послужить благодарнымъ объектомъ для спеціальнаго изслѣдованія. Мы сейчасъ не станемъ этого матеріала касаться *. Но

---

* Вспомнимъ развѣ о двухъ фактахъ послѣдняго времени. Недавно въ Австраліи, руководимой Рабочей (а гораздо вѣрнѣе — Трудовой — Labour Party) партіей, былъ вновь повышенъ, въ четвертый разъ за существованіе федераціи, таможенный тарифъ; это находится въ полной гармоніи съ ограни-

стоитъ отмѣтить нѣсколько фактовъ, характеризующихъ процессъ «самоопредѣленія» и размежеванія во время самой войны. — Линія «водораздѣла», какъ я уже указывалъ, проходитъ по однимъ и тѣмъ же пунктамъ во всѣхъ странахъ. Повсюду начинаютъ оформливаться вполнѣ аналогичныя «крылья»; и уже только въ предѣлахъ этихъ «крыльевъ» — mutatis mutandis — могутъ сохранить свое значеніе прежнія подраздѣленія, которыя раньше считались основными. Но болѣе, чѣмъ вѣроятно, что многія изъ этихъ старыхъ дѣленій совершенно выродятся въ новый періодъ исторіи и утеряютъ всякій реальный смыслъ. — Такъ новый желѣзнодорожный путь пересѣкаетъ старыя шоссейныя и проселочныя дороги, не считаясь ни съ направленіемъ, ни съ назначеніемъ ихъ, разрѣзая ихъ пополамъ, отсѣкая отъ нихъ куски любой величины и лишая многія изъ нихъ всякаго значенія.

Наибольшее вниманіе привлекаетъ къ себѣ самая крупная въ мірѣ организація труда — германская соціалъ-демократія. Но объ ея позиціяхъ у насъ уже столько писалось, что мы можемъ ограничиться немногими характерными штрихами. — Отношеніе этой партіи къ войнѣ, къ идеѣ родины, къ росту вооруженій и т. д. вообще было разработано крайне слабо. Не только отдѣльныя группы рѣзко расходились между собой, но и воззрѣнія отдѣльныхъ лицъ, центральныхъ фигуръ партіи были въ высшей степени неустойчивы. Какъ мы видѣли, Бебель не санкціонировалъ въ 1870

ченіями доступа въ Австралію также и иноземнаго труда. — Въ Соед. Штатахъ С. А. только что было наложено veto президентомъ Вильсономъ на принятый „иммиграціонный билль", противъ котораго боролась соціалист. партія, но за который вели горячую агитацію американскіе трэдъ-юніоны.

году защиты сравнительно слабой Пруссіи отъ болѣе сильной тогда Франціи, которую онъ считалъ нападавшей. Извѣстны и позднѣйшія антимилитаристскія выступленія Бебеля. Но тотъ же Бебель, въ 1901 году, говорилъ въ засѣданіи рейхстага вооружавшейся «до зубовъ» имперіи: «мы въ высшей степени заинтересованы въ войнѣ, если насъ вовлекутъ въ нее; я предполагаю, что германская политика, ведется такъ осторожно, что сама Германія не подастъ повода къ войнѣ. Но если война будетъ угрожать существованію Германіи, то, клянусь вамъ, мы всѣ до послѣдняго человѣка, даже старики ... будемъ до послѣдняго издыханія отстаивать каждый клочекъ нашей земли» ... Какъ видимъ, оставалось только въ случаѣ войны внушить «намъ всѣмъ», что дѣло идетъ о «существованіи Германіи», а также углубить теорію войны до современнаго намъ упраздненія разницы между оборонительной и наступательной войной. Во всякомъ случаѣ, на человѣка, стоявшаго десятки лѣтъ во главѣ партіи, могутъ ссылаться всѣ группы германской соціалъ-демократіи; между тѣмъ, воззрѣнія многихъ изъ этихъ группъ сейчасъ не имѣютъ между собой ничего общаго. Вся партія и ея парламентская фракція раздѣлились на два враждующихъ крыла. Одно защищаетъ первенство національной междуклассовой солидарности надъ классовой интернаціональной; другое — наоборотъ. На практикѣ первое крыло слѣдуетъ Бебелю 1870 г., второе — Бебелю 1901 г. Покойный лидеръ партіи принадлежалъ къ ея «марксистскому центру». Въ настоящее же время демаркаціонная линія не совпадаетъ со старымъ дѣленіемъ партіи на «лѣвыхъ синдикалистствующихъ», «центръ» и «ревизіонистовъ»: интернаціональную позицію занимаетъ, судя по газетамъ, и «папа реформизма», Эд. Бернштейнъ. — Насколько рѣзко опредѣля-

ются различія воззрѣній, видно, хотя бы изъ такого факта *:

«Депутатъ прусскаго ландтага с.-д. Генишъ въ «Worwärts», высказалъ мнѣніе, что соц.-демократамъ врядъ ли удастся сговориться между собою: слишкомъ уже много у нихъ противорѣчій въ мысляхъ и настроеніяхъ. Было бы преступленіемъ раскалываться теперь, когда предстоятъ столь серьезныя задачи. Рабочее движеніе должно остаться единымъ, но онъ полагаетъ, что спеціально съ группой Либкнехта партія сговориться не сумѣетъ. Партія эта, состоящая изъ теоретиковъ и литераторовъ, потеряла связь съ рабочимъ движеніемъ. «Worwärts» по этому поводу замѣчаетъ, что Генишъ напрасно считаетъ свое мнѣніе точкою зрѣнія большинства с.-д. партіи: это, самообманъ, въ которомъ Генишъ, а также Гейне и др. убѣдятся очень скоро».

Что касается обоснованія національной позиціи, то оно дѣлается все болѣе послѣдовательнымъ и прямолинейнымъ. Раньше многое «дѣлалось, но объ этомъ не говорилось». Но, сняьши голову, по волосамъ не плачутъ. Война и «военныя» выступленія развязали руки, разрѣшили ставить всѣ точки надъ і и называть вещи своими именами. Идеологія идетъ по тому же пути, какой мы описали выше: это идеологія національной трудовой партіи. Успѣхъ германскаго рабочаго движенія связанъ съ успѣхами капитализма, и необходимо создавать наиболѣе благопріятныя условія для его развитія, т. е. обезпечить побѣду въ цѣляхъ расширенія рынковъ и сокрушенія конкурентовъ. Это, конечно, называется «свободой развитія германскаго народнаго хозяйства». Коготокъ увязъ, и всей птичкѣ

---

* См. „Рѣчь", 1915 г. № 74, отъ 17 марта.

пропасть: въ соціалъ-демократической германской прессѣ уже раздаются голоса въ пользу... ввозныхъ хлѣбныхъ пошлинъ. Раньше вопросъ этотъ стыдливо обходился; надо было соблюдать деликатность по отношенію къ сельскимъ избирателямъ, дававшимъ огромное количество бюллетеней соціалъ-демократіи — за отсутствіемъ въ Германіи иной послѣдовательно-демократической партіи. Нынѣ фигуры умолчанія признаются излишними.

Прикрывались нѣкогда фиговыми листками и милитарстско-имперіалистскія выступленія германской соціалъ-демократіи (напр., Шиппеля). Теперь, въ бурю, эти листки быстро облетаютъ. Вотъ книгоиздательствомъ Worwärts'a выпущена брошюра с.-д. Кунова, носящая характерное заглавіе: «Parteizusammenbruch?» Куновъ «развѣнчиваетъ иллюзіи», которыми «вымощена» исторія соціалистическаго движенія. Куновъ иронизируетъ по адресу тѣхъ, кто уже покончитъ съ капиталистической эпохой развитія или съ національнымъ чувствомъ. Съ большимъ уваженіемъ Куновъ говоритъ объ «очищенномъ имперіализмѣ», сулящемъ большія перспективы для рабочаго класса. Имперіализмъ, обезпечивающій выгоды одной лишь олигархіи капиталистовъ, непріемлемъ; но совсѣмъ не то — имперіализмъ, обезпечивающій увеличеніе рынковъ и ростъ производства, влекущій за собой подчиненіе крупныхъ отраслей промышленности контролю государства, гарантирующій рабочему классу повышеніе заработной платы. Куновъ приглашаетъ рабочій классъ къ «переоцѣнкѣ цѣнностей» и къ проникновенію трезвыми реально-политическими воззрѣніями *.

Совершенно тотъ же процессъ и то же разслоеніе

---

* Цит. по „Рѣчи", № 84.

наблюдаемъ мы и въ другихъ странахъ. — Вполнѣ національную позицію во Франціи занялъ органъ Жореса, «Humanité». Официально ту же позицію представляетъ министръ Жюль Гэдъ, лидеръ французскаго марксизма, всегдашній противникъ «министеріабельнаго» Жореса. Въ рѣзкой оппозиціи къ этому «официальному соціализму» стоятъ группы, которыя пытаются проводить старые принципы, провозглашенные конгрессами.

Въ Англіи — Рабочая Партія (вмѣстѣ съ Генеральной Федераціей трэдъ-юніоновъ), вообще занимающая умѣренныя позиціи, опредѣленно примкнула къ либераламъ и юніонистамъ. Но къ нимъ же примкнула и Британская Соціалистическая Партія, представляющая англійскій отрядъ «Интернаціонала». Еще задолго до войны эта партія агитировала за увеличеніе флота для защиты отъ германской опасности. Въ своемъ «военномъ» манифестѣ она указывала, что «прусскій милитаризмъ угрожаетъ свободѣ и независимости родины» и настаивала на необходимости «довести войну до быстраго и успѣшнаго окончанія». Однако, нѣкоторыя группы, входящія въ рабочую партію, остаются при совершенно иныхъ мнѣніяхъ и выступаютъ съ ними въ прессѣ и въ парламентѣ. Наиболѣе же опредѣленно «антивоенную» позицію занимаетъ «Независимая Рабочая Партія» (газета Labour Leader), выступавшая съ борьбой противъ вербовки добровольцевъ; но и изъ нея выдѣлилась часть. Эта партія, какъ извѣстно, вообще занимаетъ «оппортунистскую» и «правую» позицію; но къ ней же теперь присоединились и крайне-«лѣвые» ирландскіе «ларкинисты». — Все смѣшалось, чтобы раздѣлиться вновь на иныхъ основаніяхъ.

Положеніе Италіи, несомнѣнно, сильно поспособствовало сохраненію классовой позиціи официаль-

ной итальянской соціалистической партіей. Основное ядро ея отстаивало принципы интернаціонализма и безусловный нейтралитетъ своей страны. Однако, уже съ начала войны подняло голову «мадзиніанское» національное теченіе, въ концѣ концовъ отколовшееся отъ партіи. Это теченіе вело агитацію за вмѣшательство въ войну — во имя итальянской національной идеи и итальянскихъ народно-хозяйственныхъ интересовъ. Несомнѣнно, что лозунгъ: «въ Тріентъ и Тріестъ» гораздо болѣе популяренъ въ средѣ итальянскаго соціализма, чѣмъ первое крупное выступленіе итальянскаго имперіализма — триполитанская кампанія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Италія все же есть единственная страна, кромѣ восточныхъ, гдѣ классовую точку зрѣнія сохранила «*офиціальная партія*», а измѣнила ей оппозиція. — Противоположныя теченія, имѣющія несомнѣнные корни въ общихъ воззрѣніяхъ и умонастроеніяхъ ихъ представителей, все болѣе оформливаются и все рѣзче сталкиваются между собою.

Интересно отмѣтить исключительную позицію молодого соціализма Сербіи. Несмотря на очевидное отсутствіе аггресивныхъ замысловъ сербскаго правительства по отношенію къ Австріи, несмотря на вторженіе въ страну непріятеля —, сербскіе соціалисты, по словамъ петроградскихъ газетъ, отказали правительству въ военныхъ кредитахъ и во всякой поддержкѣ, не желая для «чужого, правительственнаго дѣла прибѣгать къ методамъ, противорѣчащимъ международной солидарности». Со старой точки зрѣнія, господствовавшей въ извѣстныхъ заявленіяхъ на конгрессахъ, это — если угодно — вполнѣ послѣдовательно. Однако, на практикѣ такая позиція оказалась непріемлемой для болѣе зрѣлыхъ партій старыхъ капиталистическихъ странъ. Поистинѣ, какъ сказалъ Плеханову одинъ германскій

соціалъ-демократъ, пятилѣтней дѣвочкѣ легче сохранить невинность, чѣмъ взрослой дѣвицѣ.

Въ положеніи такой пятилѣтней дѣвочки оказалась и наша соціалъ-демократическая фракція. Какъ извѣстно изъ отчетовъ о ея процессѣ, она объявила войну дѣломъ правительствъ, «чуждымъ и враждебнымъ международному пролетаріату», который «долженъ солидарно во всѣхъ странахъ вести борьбу за прекращеніе войны». Участіе же въ войнѣ и какую бы то ни было поддержку ея, во имя государственно-національныхъ и народно-хозяйственныхъ задачъ, она считаетъ недопустимой съ точки зрѣнія своихъ международно-классовыхъ принциповъ. Но эта позиція не нашла себѣ отклика среди, болѣе реально мыслящихъ марксистскихъ группъ. Къ послѣднимъ присоединилось и большинство нашего «народничества» — въ смыслѣ признанія примата *націи* и апологіи настоящей войны. Какъ и слѣдовало ожидать, старыя группировки у насъ оказались наименѣе дѣйствительными; отношеніе къ основнымъ вопросамъ, поставленнымъ нынѣ съ небывалой остротой, раздѣлило нашу демократію на новыхъ основаніяхъ.

Кризисъ, порожденный войной, еще безконечно далекъ отъ своего разрѣшенія. Что сулятъ событія, еще никому невѣдомо. То, что намѣчается теперь, къ чему ведетъ огромная работа по «самоопредѣленію», можетъ принять различныя формы — и очень рѣзкія и вполнѣ мягкія. А можетъ случиться, что вся эта работа окажется безполезной и будетъ сметена новыми непредвидѣнными событіями. Но вѣдь нельзя же, въ ожиданіи непредвидѣннаго, откладывать и бросать эту работу. Пусть послужитъ это къ оправданію всего вышесказаннаго.

Ник. Сухановъ.

ОБ... БИБЛІОТЕКА. И. К. П.

Цѣна 30 коп.

НОВЫЯ КНИГИ:

Ник. Сухановъ.

Наши лѣвыя группы и война. *(Цѣли войны и мотивы ея пріятія.)* Изд. 3-е. Петроградъ. 1916 г. Цѣна 50 коп.

Наши направленія. *(Сборникъ статей о марксизмѣ и народничествѣ.)* Петроградъ. 1916 г. Цѣна 80 коп.

Очерки по вопросамъ народнаго хозяйства (печатается). Петроградъ 1916 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Складъ изданій въ книжномъ магазинѣ Яснаго (бывш. М. В. Попова). Петроградъ, Невскій пр. 66.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Земельная рента и основы земельнаго обложенія. Съ предисловіемъ В. Чернова. М. 1908 г. Цѣна 85 коп.

Къ вопросу объ эволюціи сельскаго хозяйства. *(Соціальныя отношенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ Россіи.)* М. 1909 г. Цѣна 2 руб.

Складъ въ книжномъ магазинѣ „Наука“. Москва. Б. Никитская, 10.